

ИЗ ЭКСТРАВЕРТОВ В ИНТРОВЕРТЫ

Независимая газ. — 1995 — 3 ноября

Леонид Зорин: «В жизни есть потаенный сюжет»

Ирина Глушенко

Рефлексия

МНОГИЕ герои со-
провождать вас всю
жизнь. Речь тут не
только о Костике Ромине — глав-
ном и любимом герое, в какой-то
мере автобиографическом. Это
стало понятно, когда в прошлом
году вышел двухтомник «Покров-
ские ворота», собравший в есте-
ственной последовательности
три повести и три романа, сквозь
которые ваш Ромин проходит, где
выдвигаясь на первый план, где
уходя на вторые роли. Но вот,
например, ленинградка Алла, ге-
ройня «Палубы», давней пьесы,
еще начала шестидесятых... Через
много лет она возникает в «Тран-
зите» — и в пьесе, и в телефильме,
потом и в романе «Злоба дня». В
семидесятые годы появились еще
композитор Ганин, архитектор
Багров, журналист Бурский. Га-
нин впервые обозначился еще в
комедии «Серафим», затем в по-
вести «Главная тема», в романах
«Странник» и «Злоба дня». С
Багровым мы встретились в
«Транзите» (там, кстати, вы свели
его с Аллой), в «Крапивнице» и
других рассказах, не говоря уже
о «Страннике». Бурский прошел
сквозь все три романа. Вы это
предвидели, когда начинали?

— В мемуарном романе
«Авансцена» — он печатается в
издательстве «Слово» — я ос-
таиваюсь подробно на этом
частом «скрещении судеб». «Авансцена» вот-вот уже вы-
йдет в свет, поэтому я скажу
только то, что ведомо каждому
литератору. Герои выбирают
автора в той же мере, в какой
выбирает он их. С годами они
в тебе прорастают, становятся
твоею родней, более того —
твоей частью, и возвращение к
ним неминуемо. Относится это
не только к людям, порой воз-
вращаешься и к местам дейст-
вия. Целых десять моих комедий
разворачиваются в По-
кровске. Покровск — это при-
думаный город, но и Москва,
и Баку, и Орел тоже стали мо-
ими «городами-спутниками». И
вот в конце концов возникает
своя семья и своя география —
очерчивается круг твоих мыс-
лей, твоих переживаний и
странствий...

— Возможно, так и зароди-
лась важная для вас тема отъ-
езда, тема провинции как
места старта и тема столицы
как главной цели.

— Тема эта поистине вечная
— не мной открыта, не мной
завершится. В юности важные
события связаны с внешними
переменами — хочется то но-
вой одежды, то новых подруг, то
новых лиц и, разумеется, новых
мест, твой отчий дом становит-
ся тесен. Это естественно, ибо
в юности энергия направлена
вовне, а в зрелости (если она
приходит, зрелость — понятие
не возрастное) энергия направ-
ляется вглубь. Недаром один из
персонажей «Старой рукопи-
си» Иван Мартынович пере-
бирается из Москвы в неболь-
шой провинциальный город.
Возникает потребность со-
средоточиться, разобраться,
определившись. В столице, как
правило, жизнь завоевывают —
в провинции ее постигают. Хо-
тя человеческие характеры ус-
тойчивы по своей природе, но
все же меняются и они (если,
конечно, принадлежат людям
не безнадёжно поверхност-
ным). Думаю, в каждой био-
графии помимо сюжета всем
очевидного есть еще потаен-
ный сюжет. Возможно, что он
и состоит в преображении экс-
траверта в интроверта, попрос-
ту говоря — человека, выплес-

кивающего себя, в человека,
который в себя уходит.

— В «Страннике» сказано: «В
идеале — старость освобождает.
Ведь только тогда начинаешь
жить настоящей, а не приду-
манной жизнью». Вы с нежно-
стью пишете о стариках — о
ветхой чете на донецкой стан-
ции в «Старой рукописи», о
своем отце, о Георгии Антоно-
виче в «Страннике»... Вместе с
тем, профессор Камшатов с го-
рестью говорит в «Коронации»: «Большое мужество требуется в
старости — ведь каждый день
идешь на смерть».

— Старость, действительно,
требует мужества. Не только
из-за того, что надо быть гото-
вым перешагнуть порог, но еще
потому, что часто испытываешь
отторжение от наступающей
жизни, от нетерпения другой
генерации. В литературе
старость бывает довольно уни-
зительным временем. Сколько
людей теряет рассудок из-за
комплекса неустареваемости!
Не каждый может успешно
справиться с ощущением со-

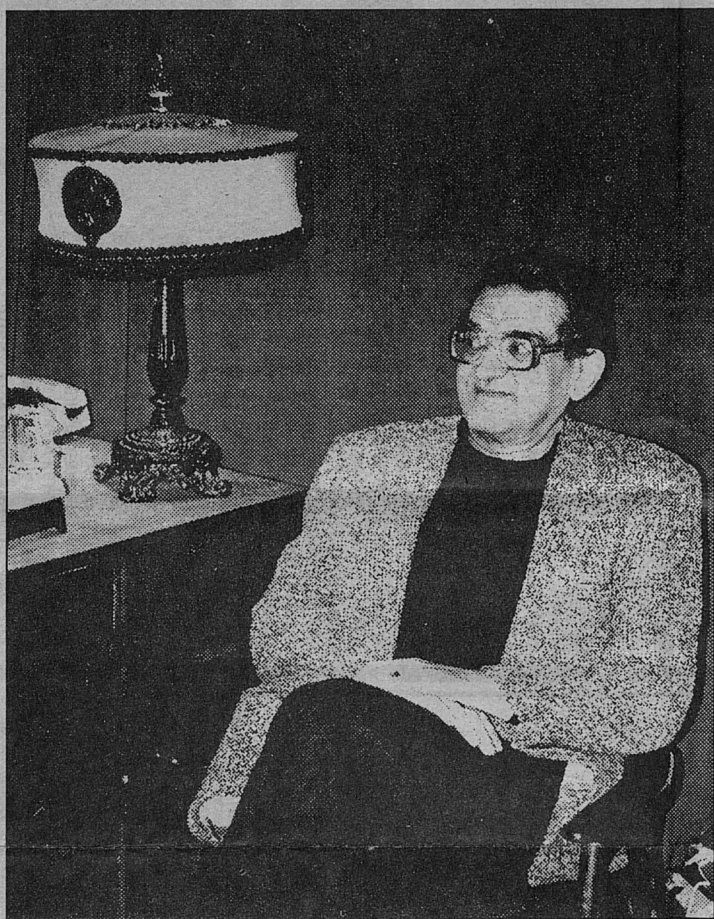
подчеркивали, что побеждать
необходимо каждый день.
Можно ли жить по таким
правилам в жизни, а не в книгах
и пьесах?

— Можно. Если только ты
помнишь, что побеждать тебе
нужно себя. Если ты думаешь о
процессе больше, чем об успехе
процесса. Вообще же — необ-
ходимо трудиться. Без вос-
кресений и отпусков.

— Хочу задать деликатный
вопрос. Вы — человек често-
любивый?

— Могу ответить вполне
откровенно. У этой болезни
есть две стадии. При первой —
хочешь понравиться людям.
Вторая — значительно тяжелее:
понравиться хочешь себе само-
му. С первой стадией я спра-
вился быстро, а от второй не
излечился. Возможно, по той
простой причине, что угодить
себе я не смог.

— Для зрителей многих де-
сятилетий вы были прежде все-
го драматургом — автором «Ди-
она» и «Медной бабушки», «До-
бряков» и «Цитаты». И вот

Леонид Зорин.

Фото Ольги Чумаченко

бственной ненужности. В осо-
бенности это непросто, если
творческий потенциал не иссяк
и понимаешь, что ты сегодня
работаешь поинтересней, чем в
молодости. Надо воспитывать в
себе загода и чувство внутрен-
ней независимости, и понима-
ние неизбежности не слишком
приятного отношения. Ясно,
что, если я вот уже полвека
не схожу с театральной афиши,
я должен вызывать раздраже-
ние и желание от меня отдох-
нуть. Это совершенно есте-
ственно. Мне помогает, что в
литературе я жил одиночкой,
вне групп и содружеств. То, что
для многих моих ровесников
стало столь горестной нежиз-
нностью, для меня — фон
всей моей жизни. Я долго при-
выкал к одиночеству, зато те-
перь я ему благодарен. Конечно,
оно может быть пустыней,
но может быть и источником
силы.

— Еще одна цитата из
«Странника»: «В искусстве про-
шлые достижения становятся
дополнительным аргументом в
списке обвинений». Не раз вы

внезапно, «на полпути земного
бытия», вы решительно обра-
тились к прозе. Вы исчерпали
возможности сцены?

— Нет, я все еще пишу пьесы,
но проза дает больше простора.
Особенно когда нужно выска-
зать «принципиальные сообра-
жения». Пьеса требует отто-
ченной реплики, предельной
скрупулы и к тому же рас-
творения в собственных пер-
сонажах. Не каждому вложись
в уста свои мысли.

— «Авансцена» уже скоро
выходит — биография громад-
ной эпохи, пропущенной сквозь
биографию автора. Пишете ли
вы новый роман?

— Да, в эти дни я его закан-
чиваю. Он будет не очень велик
по объему. Это забавное сочи-
нение, этакий юмористический
эрос или эротический юмор, но
будут и грустные страницы. По
заслугу сей сюжет вместит
разнообразные события второй
половины нашего века, уви-
денные и прокомментирован-
ные женолюбивым наблюдате-
лем. Пишу эту вещь весьма ув-
леченно.

— Как драматург в последние
годы вы подружились с Театром
Ермоловой. Там поставлены
«Пропавший сюжет», «Союз
одиноких сердец». Что будет
теперь?

— Теперь — «Измена». Ее,
как и предыдущие пьесы, вновь
поставит Владимир Андреев.
Мы связаны с ним еще с «Гос-
тей», с пятьдесят четвертого
года. Сейчас ермоловцы обрели
второе дыхание, и это, бес-
спорно, его заслуга в первую
очередь. Он пребывает в блестя-
щей форме.

— Ваше «Московское гнездо»,
написанное в этом году, выиг-
рало Всероссийский конкурс на
лучшую пьесу. Критики счита-
ют, что мы получили серьезное
исследование постсоветского
периода в драматургии. Как вы
пришли к этой работе?

— Тут были, пожалуй, две
задачи — эстетическая и содер-
жательная. Что касается пер-
вой, то мне хотелось выразить
в традиционной форме револю-
ционные перемены. Я разделяю
мысль Бродского о том, что
«будущее культуры — в ее ар-
хивах». И потому, говоря ус-
ловно, хотел достигнуть новой
цели старыми средствами. В
чем преимущество традиции? Она
не мешает заниматься де-
лом. Игра увлекает, но все ре-
шает сопереживание аудито-
рии. Поэтому-то постмодерн и
уступает свои позиции — он
остается в пределах игры. Кроме
того, его установка как бы
исключает просеивание, приравнивая случайное слово к
слову, отысканному в руде. Ко-
нечно, клишированная речь мо-
жет в определенном ракурсе
также стать предметом худо-
жества, но и искусство — пре-
жде всего отбор.

А вторая задача, само собой,
была особенно увлекательной —
выразить в своих персона-
жах дух упомянутых измене-
ний — в жизни, в обиходе, в
культуре, в человеческих отно-
шениях. Хотелось как-то запе-
чатлеть пограничное состояние
общества у самой «бездны на
краю», когда настоящее зыбко
и призрачно, а будущее —
тревожно и смутно. Все это
было уже в России — три чет-
верти века тому назад. Ныне и
нам пришлось испытать родо-
вые муки смены формаций, ха-
ос переходного времени. Крае-
угольную проблему (и, может
быть, главную нашу беду) давно
уже сформулировал Герцен: «Я
вижу слишком много освобод-
ителей и слишком мало
свободных людей». Современ-
ные освободители — такие же
несвободные люди, такие же
«мученики догмата», какими
были в эпоху Герцена. И все-
таки начало положено...
Сменится два-три поколения, и
выработается порода людей,
уже независимых от государст-
ва.

Они создадут иную среду,
более трезвую и естественную.
Для этого требуется лет трид-
цать, в сущности, всего ничего,
один оборот секундной стрел-
ки. С такой отчетливостью и
ясностью я помню год 65-й! За-
крытый «Дион» у Товстоногова,
и тот же «Дион» спустя не-
сколько месяцев, все же выпу-
щенный в театре Вахтангова.
Все это было всего лишь вчера.
Вот и выходит, что тридцать лет
не только на циферблате ис-
тории, но даже и в человече-
ской жизни — не более чем
одно мгновение. Конечно, у ме-
ня уже нет такого мгновения,
но я рад, что моя собеседница
имеет в запасе достаточно
времени, и, слава Богу, ей
предстоит нормальная жизнь в
нормальном мире.